

НИКИТА МАШЕЙ

А вы меня
не ждали?

ПОСЛЕ ТЕБЯ

о педагоге, который не уходит после звонка...

Никита Машей

После тебя

<https://litres.ru/74566754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть истории, которые человек слышит в детстве и тогда не понимает, зачем они ему запомнились. А потом проходит много лет - и вдруг понимаешь: именно там для тебя всё и началось. Моя бабушка пришла домой поздно. Хотела напугать маму. А встретила учителя. Он пришёл пешком, вечером, чтобы проверить, как она выучила урок. «А вы меня не ждали?» - спросила бабушка. «Ждали. Ждали» - ответил он. Так я понял: педагог работает не только с уроком. Педагог работает с человеком. И с его будущим.

«После тебя» - не учебник. Это честный разговор о том, что остаётся после встречи с учителем, наставником, просто человеком, который однажды был рядом. Эта книга - о деревне, о прабабушке, называвшей меня «Мікітка», о детской игре в школу. О том, как мечта становится профессией. Это книга для учителей, которые задаются вопросом: «А что останется после меня?» После твоего урока человек идёт дальше. После разговора принимает решение. После поддержки пробует ещё раз. И однажды сам протягивает руку другому.

Содержание

ПРОЛОГ	4
1. Там, где топили печь	8
2. Красный дом	10
3. А как у вас?	15
4. Школа, в которой я никогда не учился	18
5. Земля, на которой хочется остаться	20
6. Слово, которое звучит иначе	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

После тебя

ПРОЛОГ

«А вы меня не ждали?»

Есть истории, которые человек слышит в детстве и тогда совершенно не понимает, зачем они ему запомнились. Они просто остаются где-то внутри, среди других детских впечатлений, разговоров взрослых, запахов дома и каких-то совершенно обычных вечеров. А потом проходит много лет, ты становишься старше, начинаешь сам работать с людьми, говорить о воспитании, о школе, об учителе, о том, что значит быть рядом с другим человеком, - и вдруг вспоминаешь одну старую историю. Не потому, что специально искал её в памяти. Просто в какой-то момент понимаешь: кажется, именно там для тебя всё и началось.

Моя бабушка Таиса часто рассказывала мне про свою школу. Это была деревенская школа, обычный небольшой дом, в котором одновременно учились несколько классов. Пространства было мало, учеников много, и, как рассказывала бабушка, иногда учеников было больше, чем стульев. Сейчас, когда я представляю себе эту картину, мне трудно

даже понять, как в таком помещении умещались дети, тетради, книги, учитель и вся та жизнь, которая всё равно должна была происходить в школе каждый день.

У бабушки тогда было много дел и дома. В деревне всё было устроено иначе: сначала хозяйство, огород, работа, помощь семье, а уже потом - уроки и домашнее задание. Нужно было сделать то, что от тебя зависело дома, а потом уже садиться за тетради. Учёба не существовала отдельно от жизни: она была её частью, такой же естественной, как работа во дворе или помощь родным.

Однажды бабушка пришла домой поздно, около половины десятого вечера. Ей хотелось войти тихо, но одновременно она решила немного напугать свою маму, мою прабабушку Соню. Наверное, ей казалось забавным появиться неожиданно, когда дома уже все ждут. Но неожиданной оказалась не она.

Когда бабушка зашла, дома был учитель.

Он пришёл не на праздник, не на какое-то официальное мероприятие и не для того, чтобы поговорить о погоде. Он пришёл проверить, как бабушка выучила урок. Просто потому, что считал своей обязанностью узнать, всё ли у ученицы получилось.

Бабушка, увидев его, сказала:

«А вы меня не ждали?»

Он ответил:

«Ждали. Ждали...»

И тут прабабушка Соня вступилась за дочь:

«Да что ей сейчас учить? Она на печку прыгнет, быстро всё выучит, а завтра вам расскажет».

Мне особенно нравится эта сцена именно своей простотой. В ней нет ничего героического и почти нет слов о педагогике. Учитель просто пришёл домой к ученице. Он прошёл от своего дома до её дома, чтобы проверить урок вечером, потому что для него она не закончилась в тот момент, когда закончился урок в школе.

Наверное, тогда я ещё не мог понять, почему эта история так меня зацепила. Теперь понимаю немного больше. В этой истории для меня не столько школа, сколько отношение одного человека к другому. Учитель мог остаться в школе, мог проверить тетради на следующий день, мог решить, что раз урок закончился, всё остальное уже не его дело. Но он пошёл к ученице.

И вот эту мысль я почему-то пронёс через годы: педагог работает не только с уроком. Педагог работает с человеком. А значит, и с его будущим.

Мне почти двадцать три. Через двадцать лет я вполне могу не соглашаться со многими вещами, которые написаны здесь. Может измениться мой взгляд на школу, воспитание, лидерство, людей и даже на самого себя. И это нормально. Эта книга не о том, как всё устроено «правильно». Она о том, что я понял к этому возрасту.

О людях, которых я встретил. О том, что мне дали семья,

школа, друзья, деревня, язык, учителя, работа с молодёжью. О том, что я пытаюсь передать дальше. Мне всё чаще кажется, что самые важные вещи в жизни не заканчиваются вместе с нами. Они переходят от одного человека к другому: знание, пример, слово, поддержка, требование, доверие, привычка не проходить мимо.

Иногда это всего одна короткая фраза, которую человек услышал от своего учителя много лет назад и потом однажды сказал уже кому-то своему. Так происходит преемственность. Так воспитывается человек. И, наверное, поэтому я назвал эту книгу «После тебя».

Не потому, что хочу говорить о том, что будет, когда меня не станет. Мне интереснее другое: что останется после встречи со мной? Что останется после учителя? После наставника? После человека, который однажды просто был рядом?

Наверное, в конце концов, именно этим и измеряется то, что мы делаем. Не количеством людей, которые тебя запомнили, и не количеством следов, которые остались на бумаге, а тем, сколько в людях продолжилось после тебя.

ЧАСТЬ I. ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК

1. Там, где топили печь

Мне было около шести лет, когда деревня начала превращаться для меня из места, куда просто приезжают летом, в отдельный мир. Особенно хорошо я помню зиму. Около семи утра за окном уже светало, снег падал крупными хлопьями, а я лежал в дальней комнате на большой советской железной кровати и ещё толком не проснулся, но уже слышал знакомый звук: прабабушка Соня топила печь.

Она старалась делать всё тихо. Наверное, думала, что если аккуратно положить заслонку, никого не разбудишь. Но заслонка всё равно звенела, где-то внутри печи потрескивали дрова, и этот звук разносился по дому гораздо дальше, чем ей хотелось. Я лежал и слушал. В детстве такие вещи становятся частью внутреннего ощущения дома: ты не анализируешь, почему тебе спокойно, ты просто знаешь - если утром потрескивают дрова, значит, всё хорошо.

В деревне вообще всё было настоящим. Настоящий снег, настоящий холод, настоящая печь, настоящее утро, которое нельзя было ускорить. Наверное, поэтому деревня так прочно осталась во мне. Там не нужно было придумывать счастье. Оно было в самых обыкновенных вещах: в тёплой комнате после холодной улицы, в запахе дома, в голосе прабабушки, в том, как кто-то ходит по кухне, пока ты ещё лежишь под одеялом, в ощущении, что тебя не просто где-то ждут, а что

ты находишься именно там, где должен находиться.

Позже я понял, что человек очень многое узнаёт о мире раньше, чем начинает понимать это словами. Он сначала чувствует, слышит, запоминает и только потом учится объяснять. Так и я запоминал Беларусь - не с карты, не с фотографии и не с учебника, а изнутри: из деревенской дороги, из небольших домов, из белорусской речи прабабушки, из поля за околицей, из старого сарая и из ощущения, что летом весь день можно провести на улице, а вечером вернуться домой и услышать знакомый голос.

Наверное, любовь к месту именно так и появляется. Без торжественного момента, который можно запомнить по дате. Просто однажды ты обнаруживаешь, что какая-то дорога уже стала твоей, какая-то речь - родной, какая-то песня - близкой, а какой-то старый дом, который для других может быть просто домом, для тебя хранит целый кусок жизни.

И чем старше я становился, тем сильнее понимал: воспитание начинается не тогда, когда ребёнку впервые объясняют, что правильно, а что неправильно. Оно начинается гораздо раньше - с того, что он чувствует вокруг себя, с того, как с ним разговаривают, как его ждут, как ему доверяют и как его принимают. Иногда именно это становится первым уроком, который человек получает в жизни.

2. Красный дом

Летом в деревне появлялись друзья: Саня, Сашка, Настя, Антон. Кто-то приезжал из Минска, кто-то из Москвы, кто-то был родственником, кто-то просто человеком, с которым однажды познакомились и почему-то сразу стали своими. Мы не были одной компанией по какому-то заранее придуманному правилу. Нам было просто хорошо вместе.

Днём мы строили шалаши, катались на велосипедах, могли уехать в соседнюю деревню, а потом вернуться уже затемно и получить совершенно заслуженные вопросы о том, где нас носило весь день. В детстве расстояния вообще ощущаются иначе. Несколько километров кажутся не дорогой, а приключением. Сейчас я понимаю, что взрослые вряд ли назвали бы это идеальным способом провести день, но тогда у нас была простая логика: если светло - гуляем, если темно - пора домой.

Особенное место в нашей памяти занял старый сарай во дворе прабабушки. Когда-то там держали свиней, а потом мы решили, что никакой это не сарай. Мы его убрали, сделали пол, нашли окно, поставили диван, повесили занавески, положили ковёр. В нашем понимании всё выглядело совершенно серьёзно. Мы построили настоящий дом и назвали его «Красный дом», потому что он был из красного кирпича.

Сегодня это может звучать смешно: дети взяли старый са-

рай и решили сделать из него собственный мир. Но, наверное, именно в этом и была его ценность. Мы впервые создавали пространство сами. Не просто находились где-то, а придумывали, каким должно быть это место.

Вечером мы собирались внутри и разговаривали. Причём говорили о самых обычных вещах: кто куда ходил, что видел, кто что сказал утром, что произошло днём, кто куда собирается завтра. Никаких великих тем, никаких попыток произвести впечатление. Просто жизнь.

И сейчас я особенно дорожу именно этим. У взрослого человека разговоры часто становятся функциональными. Мы обсуждаем работу, задачи, планы, сроки, документы, даже встречи с близкими иногда превращаются в обмен новостями между двумя занятыми людьми. А тогда нам было достаточно быть вместе.

«Красный дом» был не просто детской постройкой. Он оказался первым местом, которое мы построили своими руками и которое стало общим. Наверное, поэтому я иногда думаю, что человек учится быть частью общества ещё до того, как узнаёт это слово. Он учится договариваться, уступать, ждать, помогать, принимать чужие идеи и оставлять место для другого человека.

Никто из нас не проводил собраний и не назначал ответственных. Но каждый понимал: если хочешь, чтобы дом стоял, в нём должно быть место не только тебе. Наверное, с этого и начинается команда - не с лозунга, а с простого ошуще-

ния: «Это наше».

Я до сих пор общаюсь с теми ребятами. Конечно, мы все изменились. У каждого давно своя жизнь, свои заботы, работа, планы, свои дороги, которые уже давно ведут далеко от того самого двора. Мы стали взрослыми и уже совсем не похожи на тех детей, которые когда-то целыми днями носились по деревне, возвращались домой затемно и считали старый кирпичный сарай настоящим домом.

Но удивительно другое: тёплое воспоминание о «Красном доме» осталось у всех. Иногда мне кажется, что он существует уже не как место, а как что-то общее внутри каждого из нас. У каждого наверняка сохранилась своя картинка: какой-то вечер, разговор, смешной случай, дорога на велосипеде, занавески, диван, красный кирпич. Мы можем по-разному помнить детали, по-разному рассказывать о том времени, но само ощущение осталось одним и тем же - то самое ощущение лета, когда весь мир был рядом, а для счастья не требовалось ничего сложного.

Особенно интересно мне вспоминать Сашку - ту самую, самую шabutную и боевую из нашей компании. В детстве она была человеком, который точно не собирался просто сидеть на месте. И сегодня, когда я думаю о ней, мне кажется почти символичным, что она стала учителем физкультуры. В детстве она была одной из тех, кто постоянно находил себе движение, а теперь сама помогает двигаться другим.

Наверное, именно такие вещи и заставляют меня особен-

но ценить людей из того времени. Мы все пошли разными дорогами, но я очень дорожу каждым из них. Для меня друзей вообще немного. Я не из тех людей, кто легко подпускает человека очень близко и постоянно находится с ним на связи. Работа может захватить меня настолько, что я могу долго не отвечать на сообщения, что-то пропустить, не выйти на связь, уйти в свои дела и будто бы исчезнуть.

Но это совсем не означает, что человек стал для меня менее важным. Наоборот. Я могу не отвечать несколько дней, могу быть где-то далеко и полностью погружён в свою работу, но если кому-то из тех, кого я действительно считаю своими, нужна помощь, я сорвусь. Приеду, помогу, останусь рядом, выслушаю, утешу - как угодно, лишь бы человек не остался один. Наверное, для меня именно так и выглядит настоящая близость.

Не обязательно каждый день говорить друг другу, что вы близки. Не обязательно постоянно быть рядом физически. Иногда достаточно знать: если станет тяжело, этот человек будет.

И, наверное, поэтому я так дорожу теми, кто появился в моей жизни ещё тогда, когда мы ничего не знали ни о профессиях, ни о должностях, ни о будущем. Мы просто были детьми и строили свой «Красный дом». А теперь у каждого из нас своя взрослая жизнь, свои дороги и свои роли. Но где-то внутри нас всё равно осталось то место, где нам однажды было хорошо вместе.

Наверное, это и есть одна из самых настоящих вещей, которые даёт человеку детство: людей, которых ты потом уже не воспринимаешь просто как друзей. Они становятся частью твоей внутренней семьи - не по документам и не по родству, а по тому, сколько жизни вы однажды прожили рядом.

И когда я вспоминаю лето в деревне, я понимаю, что возвращаюсь не столько в место, сколько к людям. В ту компанию, в тот двор, в старый краснокирпичный дом, который мы когда-то придумали сами. И, может быть, именно там я впервые понял, насколько много может значить обычное человеческое «мы».

3. А как у вас?

Наверное, одним из моих главных детских качеств было любопытство. Мне всегда было интересно, как устроено что-то у другого человека. Не обязательно лучше или хуже. Просто иначе. Особенно меня интересовала школа.

Однажды я начал расспрашивать Настю, которая жила в Минске: как у них проходит учебный день, какие учителя, как устроен класс, что они делают на переменах, как выставляют оценки. Я мог задавать слишком много вопросов, но мне действительно было интересно. Ещё сильнее меня удивляло, что мама Насти была учителем. Для меня это казалось чем-то почти невероятным: дома у человека есть мама, которая может рассказать, как устроена школа изнутри.

Потом я много спрашивал Антона. Он был из Москвы, и у него была настоящая русская фамилия - Петров. Мне нравилось узнавать детали: как устроено обучение, какие у них стандарты, когда начинают ставить оценки. Особенно меня заинтересовал электронный журнал.

Когда я узнал, что у них оценки начинают выставлять раньше, чем у нас, это меня удивило. В Беларуси тогда оценки начинали ставить с третьего класса, а Антон рассказывал, что в московской школе - со второго. Но я никогда не думал: «Вот это правильно, а вот это неправильно». Мне хотелось понять.

Наверное, именно здесь у меня впервые появилась привычка смотреть на образование шире собственной школы. Потом мы говорили с другими ребятами, которые приезжали в деревню. Некоторые рассказывали, что у них в классе всего по два ученика. Я слушал и представлял, как это - сидеть на уроке вдвоём. Тогда мне было трудно понять, что в таком классе учитель практически не может не заметить, кто сделал домашнее задание, а кто нет, кто слушает, кто молчит, кто переживает.

Они рассказывали и о другом: иногда им приходилось идти в школу около трёх километров даже зимой. Я слушал с открытым ртом и блестящими глазами. Сегодня я понимаю, что дети просто рассказывали мне о своей жизни. Но для меня это было путешествие в другие образовательные миры.

Именно тогда, наверное, у меня появилась важная привычка - сначала спрашивать. «А как у вас?» Эта фраза очень простая, но за ней стоит уважение к чужому опыту. Она не означает, что другой человек обязательно прав. Она означает: прежде чем судить, я хочу понять.

Позже я много раз возвращался к этому принципу уже во взрослой жизни. Когда работаешь с детьми и молодыми людьми, очень легко решить, что ты уже всё знаешь. Ты видишь ситуацию и сразу предлагаешь решение. Иногда это действительно нужно. Но иногда человеку сначала важно, чтобы его просто услышали: не исправили, не перебили, не объяснили, как надо, а спросили: «А как у тебя?»

И, возможно, многие хорошие разговоры начинаются именно с этого.

ЧАСТЬ II . МЕСТО, КОТОРОЕ УЧИТ РАНЬШЕ ШКОЛЫ

4. Школа, в которой я никогда не учился

Я никогда не учился в той деревенской школе. Но почему-то любил её. Мне сложно объяснить это человеку, который считает школой только здание, расписание и годы обучения. Для меня школа всегда была чем-то большим. Наверное, поэтому даже та школа, в которой я не был учеником, всё равно оставалась для меня важным местом.

Она была рядом с той землёй, где родилась моя бабушка Таиса, и принадлежала тому же миру, который я любил: лесам, полям, небольшим домам, дороге, разговорам у ворот. В школе был какой-то особенный смысл. Пока она работала, в деревне оставалось ощущение жизни.

Где есть дети - там обязательно есть завтра. Где утром открывается школа, туда кто-то идёт со своей тетрадью, своим завтраком, своими страхами и своими мечтами. Поэтому, когда школу закрыли примерно в 2018 году, я воспринял это очень болезненно. Мне было около пятнадцати, и я плакал.

Сегодня я понимаю причины гораздо лучше. В маленьких деревнях становилось меньше детей, содержать школу становилось сложнее, и само здание уже не могло существовать только потому, что кому-то хотелось сохранить его таким, каким оно было. Но детское чувство никуда не исчезло.

Сейчас я формулирую это иначе: закрытие здания не должно означать закрытие возможности. Если школа находится далеко, ребёнку всё равно должна быть доступна хорошая школа. Если детей становится меньше, это не должно означать, что они становятся менее важными.

Наверное, в этом заключается один из главных вопросов образования: не только где находится школа, но и способен ли ребёнок, где бы он ни жил, получить шанс на развитие.

Я часто думаю о той школе и сегодня. Не потому, что хочу вернуть прошлое. Прошлое нельзя вернуть целиком. Но его можно продолжить в другом виде. Можно сохранить отношение к ребёнку, уважение к учителю, понимание того, что образование - не роскошь и не удобство, а возможность человека стать больше, чем он был вчера.

И если я чему-то научился благодаря той школе, в которой никогда не учился, то именно этому: иногда место продолжает влиять на тебя даже после того, как перестаёт существовать таким, каким ты его помнишь.

5. Земля, на которой хочется остаться

Моя бабушка Таиса родилась в Литаровщине, в Гродненской области. Я часто думаю о том, как удивительно устроена человеческая память. Ты можешь родиться в другом месте, жить в городе, каждый день ездить по улицам, быть постоянно занят делами, а внутри всё равно хранить землю, которую не выбирал, но которую почему-то считаешь своей.

Для меня деревня - это место силы. Не потому, что там происходит что-то необычное. Наоборот, там всё очень простое: лес, поле, небольшие дома, старая дорога, тишина, работа, люди, которые знают друг друга. Именно эта простота когда-то научила меня замечать важное.

Город очень быстро учит человека торопиться. Деревня учит смотреть: как меняется погода, как появляется трава, как человек делает одну и ту же работу много лет, как дом может оставаться почти неизменным, пока внутри него меняется целая жизнь нескольких поколений.

Беларусь для меня началась именно так - с места, людей, языка и памяти. Наверное, поэтому мне близка мысль о том, что страна начинается не с больших площадей, цифр и статистики. Она начинается там, где ребёнок впервые понимает: это моё. Мой дом. Моя семья. Моя школа. Мой двор. Моя

улица. Моё место.

Потом это «моё» расширяется до района, города, страны. Но без первого шага большая принадлежность остаётся абстракцией. Человеку трудно полюбить то, с чем у него нет живой связи.

Поэтому я не люблю громкие слова без личной истории. Мне намного понятнее любовь, которая выражается в заботе, ответственности и желании сделать место вокруг себя немного лучше. В уважении к людям, которые жили здесь до тебя, и в мысли о тех, кто будет жить после.

Наверное, именно тогда слово «будущее» становится настоящим. Когда ты понимаешь: оно будет не где-то далеко. Оно будет здесь, на этой же земле, только уже с другими людьми.

6. Слово, которое звучит иначе

Особенное место в моём детстве занимает речь прабабушки Сони. Сегодня я понимаю, что тогда ещё не умел различать все оттенки языка и тем более не думал о том, как называется то, на чём она говорит. Для меня это просто был её голос. Она говорила на трясанке - в её речи естественно смешивались белорусские и русские слова, выражения и интонации. И, наверное, именно поэтому эта речь казалась мне такой настоящей. Она не была выученной специально и не существовала ради того, чтобы соответствовать каким-то правилам. Она просто была частью её жизни.

В городе я слышал совсем другую речь - более привычную для меня, более ровную и понятную. А в деревне слова будто звучали иначе. В них было что-то своё, то, чего я не слышал вокруг себя каждый день. Какие-то выражения я мог не понимать до конца, какие-то слова запоминал просто по звучанию, иногда одна и та же мысль у прабабушки звучала совсем не так, как я привык слышать её в городе. Но мне это нравилось. Мне вообще было интересно всё, что отличалось от привычного, особенно если за этим отличием стояла настоящая жизнь.

Наверное, тогда я впервые почувствовал, что язык может быть не только средством разговора. Он может быть частью места, его характера, памяти и даже его особого настроения.

Я слышал, как говорит прабабушка, и сразу понимал: мы в деревне. Это не школа, не город, не телевизор и не какой-то учебный текст. Это наш дом, наша кухня, наш двор, наш вечер. В её речи было что-то, чего нельзя было специально придумать и чему невозможно было научиться по учебнику. Она просто говорила так, как привыкла говорить всю жизнь.

И особенно мне запомнилось то, как она обращалась ко мне. Она называла меня ласково - «Мікітка». Моё имя в её устах звучало именно так, по-белорусски, и в этом было какое-то особенное тепло. Для другого человека разница между привычной формой имени и тем, как произносила его она, могла бы показаться мелочью. Для меня это совсем не мелочь. До сих пор, когда я представляю её голос, мне кажется, что вместе с ним слышу именно это обращение. В одном имени для меня сохранилась целая интонация - интонация человека, которого я безумно любил.

Я её действительно очень-очень любил. Наверное, даже сейчас мне трудно подобрать слова, которые могли бы точно передать, насколько близким человеком она для меня была. Она была удивительно живой. Не какой-то далёкой фигурой из семейных рассказов, которую нужно помнить только потому, что она старше. Она могла смеяться, могла спорить, могла быть строгой, могла по-своему настаивать на том, как всё должно быть. В ней одновременно уживались мягкость и характер, и именно это делало её такой настоящей в моей памяти.

Она пережила Великую Отечественную войну. Когда думаешь об этом уже взрослым человеком, понимаешь, насколько огромная жизнь стояла за этим фактом. Но в детстве я не воспринимал её как человека только из прошлого. Для меня она была рядом, здесь и сейчас. Она могла говорить со мной, могла что-то посоветовать, могла сделать замечание, могла пошутить. И, если честно, она была из тех женщин, которые прекрасно знают, как должно быть. Кажется, даже прадедусшке она отлично могла объяснить, что и как нужно делать. В семье об этом можно было вспоминать с улыбкой: командовала им, скорее всего, всё-таки она. И мне нравился этот её характер - боевой, крепкий, уверенный. В ней не чувствовалось человека, которого жизнь легко могла сломать. Наоборот, казалось, что она сама привыкла справляться с жизнью и не позволять ей слишком много.

Сегодня я думаю о ней и понимаю, что именно рядом с ней язык для меня и становился живым. Она не учила меня белорусскому языку. Не объясняла правила, не рассказывала, какие слова относятся к одному языку, а какие к другому, не исправляла меня специально и не устраивала никаких уроков. Она просто разговаривала со мной. Именно поэтому мне и не хотелось в детстве делить её речь на правильную и неправильную. Для меня это была речь человека, которого я любил, и уже поэтому она была важной.

Наверное, в этом и была особенная красота её речи. Она говорила не по учебнику. Она говорила по жизни. В её речи

встречались белорусские и русские слова, что-то смешивалось, какие-то выражения были совершенно деревенскими, и именно это делало её непохожей на речь, которую я слышал в городе. Мне не хотелось раскладывать это по полочкам. Мне хотелось просто слушать.

А вместе с языком меня с детства завораживало и всё остальное, что было связано с Беларусью и её прошлым. Я, наверное, тогда ещё не мог назвать это культурой в полном смысле этого слова. Для меня это были отдельные вещи, которые просто притягивали взгляд: речь прабабушки, вышиванка, старые узоры, фотографии, какие-то вещи в доме, истории о том, как раньше жили люди. Мне хотелось это рассматривать, слушать, запоминать. В каждом таком предмете или слове мне виделось что-то своё, чего я не встречал в обычной городской жизни.

Особенно сильно это ощущалось именно в деревне. В городе всё вокруг казалось более привычным и современным: знакомая речь, знакомые дома, машины, магазины, привычный ритм. А в деревне словно оставалось какое-то другое время. Не музейное и не выдуманное, а настоящее, которое продолжало жить рядом с тобой. Ты мог услышать от прабабушки необычное слово, увидеть вышиванку, рассмотреть какой-нибудь старый узор или вещь и вдруг почувствовать: за этим что-то стоит.

Мне было интересно именно это ощущение - будто я случайно заглядываю в жизнь людей, которые жили здесь до ме-

ня. Я не воспринимал прошлое как что-то далёкое и пыльное. Наоборот, оно было совсем рядом. Оно звучало в голосе прабабушки, было в её привычках, в её рассказах, в том, как она обращалась ко мне, в том, что лежало в доме и что, возможно, когда-то было частью жизни совсем других людей. И, наверное, поэтому всё, что было связано с Беларусью, её языком, культурой и прошлым, казалось мне по-своему завораживающим.

Мне нравилось, что этого нельзя было объяснить одной фразой. За вышиванкой для меня был не только узор. За старой вещью - не только её внешний вид. За каким-нибудь словом - не только его значение. За всем этим будто стоял человек, который когда-то это носил, говорил, делал, хранил. И чем старше я становился, тем сильнее понимал, что именно это меня и притягивало: возможность почувствовать связь с теми, кого я никогда не знал, но чья жизнь всё равно каким-то образом продолжалась рядом со мной.

Наверное, поэтому мне трудно воспринимать культуру только как набор правил, дат или мероприятий. Для меня она всегда была чем-то живым. Она могла прийти в одном ласковом обращении, в старой вышиванке, в узоре, который я когда-то просто разглядывал, в деревенской речи прабабушки или в истории, которую она рассказывала. И в этом для меня было настоящее чудо: прошлое не исчезало совсем, оно оставалось в обычных вещах и время от времени давало о себе знать.

Я не знаю, почему именно в детстве это так сильно меня захватывало. Возможно, потому, что город давал мне настоящее, а деревня позволяла увидеть, откуда это настоящее пришло. Там я впервые почувствовал, что прошлое - это не обязательно что-то далёкое. Иногда оно сидит рядом с тобой за столом, разговаривает своим особенным голосом, называет тебя ласково «Мікітка» и рассказывает о жизни так, будто всё это было совсем недавно.

Наверное, поэтому я и не хочу говорить о языке только как о предмете. Для меня язык всегда был связан с ощущением принадлежности. Ты можешь не знать всех слов, можешь говорить неидеально, можешь смешивать одно с другим, но при этом чувствовать: это часть моего дома. И именно так я воспринимал речь прабабушки.

Особенно сильно я почувствовал это в деревне, потому что там язык был частью всей окружающей жизни. Он не существовал отдельно от пространства. Рядом были лес, поле, старые дома, хозяйство, дорога, двор, печь, люди, которые знали друг друга. И на фоне всего этого речь звучала совершенно естественно.

Мне кажется, в городе я бы даже не обратил внимания на многие такие вещи. Там вокруг слишком много привычного. А в деревне даже обычный разговор мог стать для меня маленьким открытием. Я мог просто сидеть и слушать, как говорит прабабушка, и мне было интересно, почему некоторые слова звучат именно так, почему её интонации кажутся

мне такими тёплыми, почему её речь так сильно отличается от той, которую я слышал в городе.

Наверное, именно тогда я впервые начал замечать, насколько красивой может быть речь, которую ты не изучал специально. Не потому, что каждое слово соответствует литературной норме, и не потому, что её нужно кому-то доказывать или сравнивать с другой. Просто потому, что она живая. В ней сохранялся человек, его привычки, его время, его место.

И вместе с этим я начинал понимать, что красота Белоруси для меня тоже складывается не из чего-то одного. Это язык, который звучит по-своему. Это вышиванка, в которой ты видишь не только узор, но и память о людях. Это старые фотографии, деревенский дом, привычки старшего поколения, истории, которые передаются в семье. Это всё, что позволяет настоящему не потерять связь с прошлым.

Я люблю белорусский язык именно поэтому. Для меня он никогда не был только набором правил, которые нужно выучить к уроку. В нём звучит часть моей семьи, моей земли, моего детства. Когда я слышу белорусскую речь, у меня возникает не только мысль о языке. Возникает память. И почти всегда эта память связана с человеком.

С прабабушкой. С её голосом. С её «Мікітка». С домом, в котором она жила. С деревней, в которой всё это имело для меня смысл.

Наверное, именно поэтому язык так тесно связан для ме-

ня с воспитанием. Ребёнок узнаёт мир не только через то, что ему объясняют. Он впитывает его через разговоры взрослых, через слова, которые слышит дома, через интонации, через выражения, которые потом неожиданно всплывают в памяти спустя много лет.

Мы можем забыть конкретный урок, забыть страницу учебника, забыть, когда именно узнали какое-то слово. Но голос человека, который говорил с нами в детстве, иногда остаётся на всю жизнь. И вместе с этим голосом остаётся всё то, что было вокруг него.

Прабабушка Соня не ставила перед собой задачу передать мне язык. Она просто говорила. Не преподавала его, не объясняла грамматику, не рассказывала, почему одно слово белорусское, а другое русское. Она жила в этой речи так же естественно, как жила в своём доме. А я просто слушал и постепенно впитывал всё, что было рядом.

Наверное, это один из самых честных способов передачи культуры. Не через постоянное объяснение: «Запомни, это важно», а через обычную жизнь, в которой важное существует само по себе. Человек может даже не осознавать, что что-то передаёт другому, а тот всё равно это получает.

Мы часто думаем, что культурное наследие нужно специально сохранять. Наверное, это действительно так. Но иногда оно сохраняется ещё и потому, что один человек просто продолжает говорить, как говорил его отец, его мать, его родители до него; хранит привычки, носит вещи, рассказывает

истории и помнит то, что иначе могло бы исчезнуть.

Так язык проходит через поколения. Он может меняться, смешиваться, приобретать новые слова и интонации. Но вместе с ним продолжается что-то другое - память о людях и о месте, в котором эта память родилась.

Я не хочу идеализировать детство и говорить, что тогда всё было каким-то особенным. Просто у меня остались очень живые ощущения от этой речи и от всего мира, который её окружал. В городе я почти не слышал такого звучания. А в деревне оно было частью жизни, и поэтому со временем стало для меня частью самого места.

Наверное, поэтому мне всегда было интересно слышать, как по-разному люди могут говорить об одном и том же. Позже я уже обращал внимание на это сознательно, но началось всё именно с детского удивления: почему здесь говорят не так, как в городе? Почему некоторые слова звучат непривычно? Почему мне хочется их запомнить? И почему вместе с этими словами меня так тянет ко всему остальному, что связывает настоящее с прошлым Беларуси?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.